

на *-ше* — „хотяше“,¹ во всем остальном эта повесть является хорошим образцом тогдашнего русского литературного языка, не усвоившего еще принципов ломоносовской стилистики. В „Повести о гишпанском королевиче Карле и сестре его Софии“ сохранилось больше черт старорого литературного языка: „нача“ (л. 2), „начат“ (л. 4 об. и л. 15), „зде“ (л. 8 об.), „паки“ (л. 13), „обаче“ (л. 15), „призвах“ (л. 15), „отверглся“ (л. 21 об.). Но за этими небольшими исключениями „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ написана таким же сравнительно чистым русским литературным языком, как и „Гистория королевича Архилабона“. Данная особенность выделяет обе эти повести из общей массы повестей первой половины XVIII века.

Общим для обеих повестей, — больше чем для „Гистории о российском матросе Василии Корнотском“, „Гистории о Александре“ и др., — является употребление таких иностранных слов, как „дежурный генерал-адъютант“, „ранг“ и др.

Несмотря на относительную чистоту языка обеих повестей, они все же тесно связаны со старорусской литературной традицией, только связь эта проявляется в каждой повести по-своему. Так, в „Гистории королевича Архилабона“ фантастический элемент играет первенствующую роль: король Фридрикус видит вещий сон, королевич Архилабон встречает чудесного белого коня Буслана, сражается с шестиглавым змием и в награду за свое великодушие получает от змия в подарок двух львов, являющихся в дальнейшем его верными хранителями и даже спасителями. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ нет никаких следов чудесного, это реалистическая новелла о находчивости и настойчивости энергичной молодой женщины, отстаивающей свое человеческое достоинство. Таким образом новая повесть примыкает к группе реалистических повестей типа повести о Карпе Сутулове.

В „Гистории королевича Архилабона“ связь со старой традицией, помимо фантастики, проявляется еще и в отношении к женщине. Королева Афродита, сестра Архилабона, имеет „злое сердце“,² она подговаривает королевича Бритона пойти войной на Архилабона; выведав у брата секрет его силы и слабости, она предательски сталкивает его в ящик, утыканный самыми острыми гвоздями, а затем бросает этот ящик в колодезь. Словом, королева Афродита — типичная „злая жена“ старорусской повести. Напротив, София в „Повести о гишпанском дворянине Карле“ является образцом скромности, честности, ума и человеческого достоинства.

Из сказанного можно было бы заключить, что новонайденная повесть не связана со старой повествовательной традицией. Это не так. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ есть заметные следы влияния старой традиции. Королю Максимиану в первой части повести приданы черты гонителя христиан житийной литературы. Уже само имя его — имя римского императора, упоминаемого в житии мученика Никиты в качестве жестокого преследователя христиан. Правда, в „Повести о Карле“ король Максимиан издает указ против идолопоклонников, а не против христиан, но принципы изображения его остаются те же, что и в житийной литературе. Когда заподозренного в идолопоклонстве Карла привели к Максимиану, „тогда король страшным образом закричал: «Что ты за человек?..»“ (л. 2 об.).

¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 107.

² Там же, стр. 103.